

Она открыла дверь, быстрее вышла, спрятав руки в карманы. Пряча шею в капюшоне пуховика, Леся опустила голову и смотрела под ноги. Увидев бежевый снег, она не смогла справиться с чувством любопытства и подняла взгляд: январский рассвет всё вокруг залил персиковыми красками. Мягкий, ласкающий луч солнца не слепил глаза, и Леся шла в столовую, не отрывая взгляд от нежно-оранжевого неба в светлых облаках.

Приближающаяся чёрная точка, которой был новый знакомый Гриша, забрала на себя внимание лишь ненадолго, и Леся продолжила рассматривать причудливые полосы природы, творщей такие чудесные образы. Она стала сравнивать это небо с другим, какое она обычно видит в своём городе, и не находила ничего общего. Было холодно, но румяна небосклона грели Лесю.

– Кого выглядываешь? Я тебя уже здесь жду, – вдруг раздался резкий голос Марка.

Он обнял её и не выпускал ещё минуты три, пока она не вспомнила, что на улице холодно и лучше было бы войти в столовую.

– Я никого не выглядывала. Рассвет красивый, – говорила Леся, снимая шапку и уже улавливая аромат предстоящего завтрака, вернувшего её из ласковых мечтаний.

– Точно никого?

– Точно. Я же говорю: рассвет красивый.

– Хорошо, никого – значит, никого.

63

Хотя бы здесь Марк мог контролировать общение Леси – они жили в разных городах, и встреча в лагере была единственной возможностью насладиться общением друг с другом. Будь их воля, часами напролёт проводили бы они время вместе. Как бы эта пара ни хотела оказаться в одном отряде, всё же их разъединили, поскольку Марк защищал инженерный проект, Леся – работу по французской лингвистике. Раздельное пребывание не омрачало их будни: в своих отрядах им было уютно, комфортно, кроме того, обнаружили хорошие собеседники по интересам. Однако даже в столовой Марк следил, не перейдёт ли кто-нибудь черту общения только по интересам.

– Как думаешь, ты что-нибудь заняла? – спрашивал Марк, придерживая при выходе из столовой дверь.

– У всех были достойные работы. Очень понравился доклад Вики, я желаю ей победы. Она уверенно держалась, владела информацией. А как она отвечала на вопросы! Я не могу передать это словами, тебе надо её слышать.

– Зачем? Я и так знаю, что ты лучше. Ты разве не так же выступала?

– Может быть, и так, но со стороны всегда виднее. Я не беру себя в расчёт, поэтому говорю, что Вика – лучшая, и этому есть основание верить.

Но Марк уже не слушал её: они дошли до угла, на котором их пути до корпуса разделялись, поэтому он обнял её на прощание.

– Ты же придёшь сегодня ко мне? Я договарюсь, чтобы все ушли.

– Да, наверное, – ответила Леся, обняла его, после чего они разошлись.

Она оглянулась, чтобы посмотреть, как он дойдёт до корпуса. Леся вновь проводила его взглядом до входа, а с ним вновь ничего не случилось. Мимо прошёл Гриша. Она перевела взгляд на небо, которое не было уже таким естественно-фруктовым – привычная голубая краска залила всё пространство над землёй.

Хватит смотреть! Пора на лекции.

Вновь лекции. Вчера был очный этап конференции, к которому так усиленно готовились лингвисты целую неделю, посещая занятия с ведущими педагогами области. Но учителя с ними не только твердили наизусть этимологию, транскрипцию, правила перевода, но и старались наладить общение между школьниками: лучше всего язык познаётся во взаимодействии. Им даже было дано задание составить и разыграть полилог. Леся и Лёня, мальчик из другого отряда лингвистов-англичан, шефство над которым взяла Леся, составили диалог про Монблан – красивая и достаточно знаменитая достопримечательность Франции помогла бы любому «англичанину», по мнению Леси, завязать разговор. Полилоги были готовы, и все ждали представления французских мини-сценок, но на утренней лекции ничего такого не произошло. На последующей тоже.

Зато в столовой после обеда были вывешены результаты: Вика, как и предполагала Леся, стала первой, а вот самой Лесе не повезло. По сравнению с прошлым годом она не вошла в число счастливиц-призёров.

Сначала она весьма спокойно отреагировала на итоги, успокаивая себя тем, что у неё ещё один год обучения в школе. Примечательно, что когда-то ей очень хотелось этого. Постоянно показывая хорошие результаты, она стала замечать за собой несколько снисходительное отношение к тем, кто был хуже её по итогам участия в подобных интеллектуальных мероприятиях. Леся превратилась в менее требовательного к себе лингвиста, прощая себе мелкие ошибки, как будто она имеет на них право. Да и в разговорах, изредка шутя, изредка серьёзно обращая на это внимание, упоминала о собственных победах. Такое изменение в характере было отмечено лишь ей самой – остальные считали её всё такой же жизнерадостной и про-

ницательной десятиклассницей, принимая за должное её шутки про усталость везде быть первой.

И вот она не первая, добилась того, что теперь на неё могут смотреть так же снисходительно, а она может слышать шутки от других про успехи. Цель достигнута – разве Леся может быть недовольна? Оказывается, может. Или с непривычки, или из-за неожиданности так провалиться в той сфере, которая действительно увлекла и которую она так хорошо успела освоить, но каким-то образом результаты повергли в шок. И пусть внешне выглядела невозмутимо, внутри тем не менее что-то кипело, однако Леся сама не хотела признавать боль поражения – хотелось создать вид, что она считала возможным свой проигрыш, поэтому несильно расстроилась.

– Леся, может быть, они ошиблись: не так расшифровали или не в ту колонку оценки поставили. Это не твой результат, ты знаешь и можешь защищать намного лучше!

– Как видишь, Марк, – пытаюсь смотреть прямо в глаза, говорила Леся.

Ей было трудно признать поражение ещё и потому, что Марк всегда был победителем и добивался этого, ничуть не сомневаясь в своих силах. Его участие в подобных инженерных конкурсах стабильно, а Леся пробует себя в данном направлении лишь во второй раз, раньше защищала инженерный и экологические проекты. Теперь она стала думать над развитием в себе начал искусства, но итоги нынешней конференции по французской лингвистике, казалось, отбили у неё всё желание бороться.

– Если ты не будешь отстаивать своё призовое место (а ведь ты могла его получить, добавь они тебе пару баллов), я тебя не пущу к себе вечером в корпус, и мы пойдём вместе отстаивать правду, – упорно твердил Марк, ведь он ещё не понял внутреннее состояние девушки.

А Леся стояла и молчала. С одной стороны, ей было страшно противоречить Марку; с другой – она понимала, что ей трудно будет переубедить его в том, что такая несистематическая деятельность как раз и стала причиной её результатов.

– Леся, не переживай, уже по Монблану я вижу в тебе широкие знания, – обратил на себя внимание Лёня.

Он протянул свою руку к её руке, чтобы сымитировать пожатие, которое они репетировали

для диалога, но Марк заметил это и взял её руку первым.

– Да-да-да, Монблан, Монблан. Она больше этой горы знает, – сказал Марк и обнял Лесю. Лёня отдалился. – Не его ли ты сегодня высматривала утром? Про Монблан поговорить?

– Нет, но я же знаю только эту гору, – передрознила Лесю, освободившись от рук Марка и собираясь уйти.

– Ты сейчас куда? – поторопился догнать Марк.

– На лекцию, – и она пошла на ту лекцию, где так и не были заслушаны полилоги.

В следующий раз они встретились лишь вечером. За это время Лесю подумала о многом. Образование, взаимоотношения в семье, общение со сверстниками – все эти темы волновали её. Но в большей мере мысли были отданы будущему. Какое направление будет определяющим в её жизни? Кто будет принимать Лесю такой, какой она станет? Что ей необходимо для этого делать? Когда начинать?

Голова разболелась от обилия вопросов, не покидающих беспокойный разум. Она взяла румяное яблоко, села на кровать в своей комнате, жадно поедая фрукт, стараясь не прекращать думать и всё-таки прийти к какому-нибудь важному результату. А люди за окном беззаботно ходили, снимали друг друга на фоне голубой природы лагеря. Никого из них она не узнала, но не перестала внимательно следить за их беспорядочным движением, словно пытаюсь что-то понять, уяснить для себя.

Но вот в холле позвали всех на ужин, а Лесе пришлось прервать свои размышления, что несколько возмутило её, но делать нечего – сейчас, пока ей неизвестны собственные перспективы, она полностью подчиняется обстоятельствам.

– Ты уточняла про результаты защиты? – спросил её Марк, когда нашёл в столовой.

Лесю никогда не подходила к нему первой, ибо ей было достаточно видеть его и понимать, что с ним всё хорошо.

– Нет, это сейчас неважно, – отвечала весьма противоречиво для Марка Лесю, считая для себя такую фразу вполне разумной.

– Как это неважно? Лесю, ты призёр, тебе просто не доставили баллы! Мы пойдём вместе. Прямо сейчас.

– Нет, не надо, пожалуйста. Время апелляции закончилось три часа назад. У людей трудный день, давай не будем им надоедать.

– Лесю, как так? Ты могла пойти и уточнить, за что тебе поставили такие баллы, но ты этого не сделала. Почему? Что более, как ты говоришь, важное могло тебя отвлечь?

– Уж точно не случайный прохожий.

Они по отдельности дошли до центра – там всегда проводились вечерние мероприятия. И всегда они находились там вместе, а сегодня – по отдельности. Иногда они участвовали в общелагерной деятельности, иногда решали личные проблемы. А сегодня они ничего не делали. По крайней мере, вместе.

Марк обсуждал конструирование модели, которую им сегодня предложили для рассмотрения на лекции и про которую бы Лесю с удовольствием тоже послушала, но не от Марка. А сейчас она была одна и в толпе. Пёстрые дети двигались, садились, вставали и всё это делали в таком ярком шуме, что голова у девочки разболелась ещё сильнее. Она не могла больше смотреть на эту людскую массу, отвернувшись, и её взгляд направился в окно.

«Какая чернота!» – подумала она, не сумев различить фигуры на улице. Она зашла за угол, подошла к стеклу, посмотрела туда, где не было отражения лампы. Лесю понемногу стала узнавать высокие сосны, Дом лекций. Вот она определила линию горизонта. Выше линии – редкие фиолетовые облака на иссиня-чёрном небе, покрытом мелкими, чуть появляющимися звёздами. Они не были такими яркими, какими любят описывать небо романтики – похожими на зажжённые фонарики. Нет, это были тусклые, еле видные, несколько размытые точки, но и они привлекали больше внимания Леси, чем блестящие снежинки.

«Может быть, наша планета сейчас приближается к чёрной дыре, а мы не можем этого определить, потому что ничего не видно. А что видно и что мы можем определить? Существует ли вообще эта чёрная дыра или она только выдумка учёных, не имеющих возможность объяснить происходящие явления? Что они тогда могут объяснить? Могут ли они мне объяснить, что я делаю не так? Почему такие плохие результаты сейчас и такие хорошие тогда? Как так я себя изменила, что покатилося всё к чёрту? Наверное, мне не стоило слишком увлекаться французским языком, ведь французский выместил инженеру... Надо начинать всё сначала: я неправильно делала. Зачем мне олимпиады, конференции, когда я ещё ничего не достигла?

65

Теперь я отгорожусь ото всех, буду усердно работать над собой... Боже, в каком положении я нахожусь! Он – умный, самодостаточный, не чувствующий себя лишним, но чувствующий везде свою востребованность и необходимость, а я?» – думала Леся, опустив свою голову на руки, лежащие на холодном подоконнике.

Вдруг выключился свет в зале, она услышала отдалённые голоса ведущих, а значит, вечернее мероприятие началось. Но её против обыкновения не тянуло туда – она хотела побыть одна. Отвернувшись от окна, она осмотрела опустевший холл. Так он показался ей более привлекательным: она обратила внимание на мягко льющийся свет потолочной лампы, преобразующий всё вокруг в летние жёлто-оранжевые цвета. Она оделась и вышла из центра, направившись в медкорпус.

– Ты всё ещё болеешь? – задала вопрос мальчику, одиноко сидевшему на диване медкорпуса и читавшему тонкую книжку.

– Ой, Леся, – вдруг обратил на уже снимающую пуховик девочку своё внимание Гриша.

Они пересекались лишь в столовой и в центре, но как-то узнали имена друг друга, причину их присутствия в лагере, отряд, возраст. Гриша был на три года младше, поэтому лекции проходили в разных местах, но и предмет им тоже удалось определить. Эта близость позволила им здороваться друг с другом; накануне защиты докладов Гриша даже пожелал ей удачи.

– А ты не боишься, что я тебя заражу? – спросил Гриша, когда Леся уже разделась и подошла к нему.

– Я даже не знаю, как ты оказался болеющим. Сегодня утром только видела, как ты из медкорпуса в столовую шёл и туда же возвращался, – спокойно говорила Леся, как будто ничего неестественного в её первом к нему приходе не было. – Как ты себя чувствуешь?

– Лучше, чем было вчера. Вот книжку читаю, а вчера так сильно болел, что даже этого делать не мог.

– Я рада, что тебе лучше. Про что читаешь? – поинтересовалась Леся, будучи уверенной, что это что-то об инженерии.

– Про Фата-моргану. Точнее, про оптические приборы. И про получаемые изображения, если мы посмотрим через них на какое-нибудь оптическое явление. Которое в атмосфере. На Фата-моргану, например, – немного сбиваясь и оставившаяся, рассказал Гриша. Он посмотрел на

неё, не ожидая, что сразу встретится взглядом, поэтому тут же вновь опустил глаза и стал искать место, где именно рассказывается про Фата-моргану.

– Я знаю, что это. И про природу возникновения знаю. А ещё знаю то, что у Бальмонта есть поэма. Такое лёгкое, воздушное произведение. Как и явление, в общем-то. Ты мне лучше про сами приборы расскажи, я пойму. Тоже когда-то была «инженером».

– Да? Ой, не знал, – слегка смущённо проговорил Гриша. И снова начал: – А что там говорить? Обычные оптические приборы, лупа, например, показывает всё так же, только увеличивает. Камера снимает явление. Поэтому мы, те, кто не видел сам, знаем о нём.

– А псевдоскоп?

– Просто переворачивает изображение, – чувствуя себя более уверенно, отвечал Гриша. – Кстати, Фата-моргану. Это очень красивое явление, ты права. Вот, – и он всё-таки показал ей фотографии в книге, пальцем прикрывая изображение фотокамеры.

Он выпрямился, сел поближе, немного улыбнулся, даже постарался взглянуть в глаза Лесе. Она заметила это, но не хотела спугивать его, поэтому продолжала внимательно рассматривать страницу тоненькой книжечки.

– Но небо, которое сейчас, мне нравится больше. Пока шёл от столовой, рассматривал облака. Я не знаю, как передать это чувство: ты как будто идёшь, а они идут за тобой, то пытаюсь обогнать, то, наоборот, специально притаиваясь за тобой. А потом они сталкиваются друг с другом, совсем отстают от тебя, и в это время тебе открывается эта ширь. Понимаешь? – с этим вопросом Гриши Леся повернула к нему голову.

– Широкое небо? – переспросила Леся. – Такое необъятное... Как наши возможности. Хотим – описываем облака, хотим – звёзды, хотим – сам небосклон.

– Только наши возможности не такие тёмные?

– Наверное. Тебе небо кажется тёмным?

– Январь, вечер. Оно достаточно чёрное сейчас. Но это тоже очень красиво. И загадочно.

– Вот и наши возможности – загадка для нас же самих. Не знаем, что станем делать в будущем, будет ли оно у нас вообще.

– Но мы сейчас тоже живём. Наше настоящее когда-то было прошлым. Да, как перед вече-

ром было утро. Какое было сегодня утро! Как только я вышел из медкорпуса, я увидел небо и не смог от него отвернуться. Поэтому пришлось постоять и немного опоздать на завтрак, – немного смутившись, но улыбнувшись, сказал Гриша, – и это, наверное, того стоило. Не красное, а нежно-алое, розоватое, местами такого вкусно-го – опять не знаю, как назвать, – вкусно цвета. Небо было такое. Солнце медленно шло, пуская свои лучики в эти йогуртовые – придумал – облака. И вот, как будто это их же я видел вечером. Только теперь не розовые, а лиловые, потому что не солнце, а луна рядом.

– А что лучше: солнце или луна? – спросила Леся, погружившись в какую-то задумчивость. Она захотела перевести взгляд в какую-нибудь точку, неважно какую.

– Как захочешь. Порой и то, и то надо. Так больше возможностей увидеть разные оттенки.

– Спасибо, Гриша. Выздоровливай. Я пойду, – и она ушла так же внезапно, как и пришла.

Гриша был рад встрече, но его поразила торопливость Леси. Так спокойно разговаривали о небе, звёздах, а тут она срывается и убегает. И за что-то благодарит. Видимо, в этом есть особенная романтика жизни «взрослых».

Леся видела в этом некоторую прелесть общения с мальчиком, случайной встречи, но так убежала она не из-за соблюдения эстетики. Леся что-то поняла, что-то узнала. У неё возникло чувство, будто вот-вот сейчас всё решится. И по причине этого ощущения она не могла не сказать спасибо мальчику. Это была благодарность из сердца – та, с которой хочется обратиться к небесам.

– Я тебя не видел. Ты где была? – спросил Марк, когда они вновь встретились из столовой.

– Зато я тебя видела, за тобой по пятам пошла. Я разговаривала с... учителем.

– По поводу?

– По поводу продолжения работы над проектом.